

УДК 94(47).084.8

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-181-192

Ссылка для цитирования: *Старков А. В.* Советская адвокатура в годы Великой Отечественной войны: роль адвоката и границы политически допустимого в защите по уголовным делам // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 181–192.

СОВЕТСКАЯ АДВОКАТУРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РОЛЬ АДВОКАТА И ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКИ ДОПУСТИМОГО В ЗАЩИТЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ¹

А. В. Старков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1, каб. А-313

astarkov@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5777-200X

ResearcherID: W-9448-2018

Статья посвящена деятельности советской адвокатуры в период Великой Отечественной войны. На материале из федеральных и региональных архивов России исследуются кадровые и организационные аспекты деятельности адвокатских коллегий. Особое внимание уделяется проблеме профессиональных и политических качеств, которыми, с точки зрения власти, должен был обладать «правильный» советский адвокат, а также тому, какая роль ему отводилась в годы войны, поскольку именно на это время приходится начало функционирования фактически новой адвокатуры, организационные основы которой были заложены в 1938–1939 гг. Несмотря на сформировавшееся в историографии убеждение об исключительно формальной функции советской защиты, источники показывают, что советская власть не стремилась сделать из адвокатов пассивных наблюдателей процесса, а наоборот, требовала от них активного и настойчивого участия в судопроизводстве. Советский адвокат должен был обладать не только общей и юридической грамотностью, но и особой политической и идеологической сознательностью. Однако на практике власть столкнулась с серьезными кадровыми проблемами. Активная работа адвоката зачастую приводила к дисциплинарным разбирательствам, особенно опасной была защита по контрреволюционным делам, когда адвокаты оказывались перед необходимостью оспаривать обвинения в нелояльности к советской власти и сами могли быть обвинены в антисоветской деятельности. На материалах уголовных дел, материалов ревизий адвокатских коллегий и дисциплинарных производств автор приходит к выводу, что роль адвокатуры в военное время не сводилась к исключительно формальной, а власть стремилась сделать ее дополнительным институтом поддержания «социалистической законности» в годы войны, что, конечно, не означало стремления сделать из адвоката реального защитника прав граждан.

Ключевые слова: советская адвокатура, Великая Отечественная война, советская юстиция, контрреволюционные преступления, сталинизм.

Статья посвящена практикам работы советской адвокатуры в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания – политика органов управления юстицией в отношении адвокатов и ключевые механизмы контроля за адвокатурой, включавшие в себя дисциплинарную практику. Мы рассмотрим также вопрос о том, какими профессиональными и политическими качествами, с точки зрения власти должен был обладать «правильный» советский адвокат, а также какая роль ему отводилась в годы войны, и с какими кадровыми проблемами, решая эти вопросы, сталкивались в этот период контролирующие органы. Также будут проанализированы примеры работы адвокатов по конкретным уголовным делам и вопрос границ политически допустимого при осуществлении защиты. С нашей точки зрения, изучение института адвокатуры позволяет в целом выявить особенности функционирования системы юстиции, в годы войны – центрального репрессивного механизма сталинской системы, поскольку в 1941–1945 гг. более 16 млн человек было осуждено разными органами, из них 81,7 % – судами общей подсудности [*Budnitskii*, 2019, р. 447]. Настоящее исследование практик работы адвокатуры проводится не с юридической, а

именно с исторической точки зрения. Взгляд на институт советской защиты как на социально-политический феномен позволяет более пристально рассмотреть отдельные аспекты функционирования сталинизма в военный период, в частности особенности реализации социального и политического контроля в чрезвычайной обстановке 1941–1945 гг.

Защита адвокатов по уголовным делам в этом отношении представляет наибольший интерес, поскольку именно здесь особенно остро проявлялся конфликт «между адвокатом как представителем личных интересов клиента и как представителем коллективных интересов социалистического общества» [Huskey, 1986, p. 7]. В особенности это касалось так называемых спецдел – процессов по контрреволюционным преступлениям, когда на скамье подсудимых оказывались наиболее опасные с точки зрения власти преступники. Сами адвокаты (как того требовала от них советская власть) подчеркивали в своих отчетах, что защищать клиентов в суде нужно было, «не противопоставляя, а гармонически увязывая интересы государства и личности [...]» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1030. Л. 130). Как показывают материалы дисциплинарных производств, это удавалось далеко не всем. Данная задача была достаточно сложной, даже несмотря на то, что в условиях войны, по оценкам исследователей, произошло «некоторое ослабление политического давления на адвокатуру» [Быковская, 2003, с. 17]. Таким образом, важно ответить на вопрос: какую роль должна была играть советская защита в условиях войны, в период наиболее глубоких социальных потрясений?

В зарубежной историографии за редким исключением [Huskey, 1986] фактически не уделено специального внимания институту советской защиты: адвокатура упоминается в контексте более общих вопросов сталинской юстиции и ее карательных механизмов. Отечественные же работы по истории советской адвокатуры измеряются десятками, среди них ряд посвящен организационным и кадровым аспектам этого института, в том числе в военный период [Батурина, 2018].

Первым же своим декретом о суде советская власть вместе с полным упразднением дореволюционной судебной системы ликвидировала всю старую систему адвокатуры – частных и присяжных поверенных. Период с 1917 по 1922 гг. был переходным [Головин, Соломатин, 2011, с. 26], советская власть «экспериментировала» с различными формами юридической защиты – от коллегий правозаступников при советах депутатов (Декрет о суде № 2, 1918) до попыток создания системы государственной защиты должностными лицами [Головин, Соломатин, 2011, с. 27] и введения трудовой повинности для лиц, имеющих юридическое образование [Гаврилов, 2018, с. 66]. В основе всех предложенных в годы Гражданской войны изменений лежало убеждение большевиков в реакционном, консервативном и оппозиционном отношении старой адвокатуры к новому пролетарскому строю, поскольку адвокаты старорежимной выучки после революции никуда не делись, продолжая осуществлять свою юридическую практику [Там же, с. 63]. Действуя в рамках инструментального подхода к праву – как политическому рычагу – большевики вполне целенаправленно заложили порочные основы новой юридической защиты, которые наследовала и адвокатура после 1939 г.: это и предельное свертывание автономии адвокатской корпорации в угоду государственному контролю, и ее численное сокращение, а также существенное сужение процессуальных функций – от запрета защитникам участвовать в предварительном следствии до разгула внесудебных расправ, «нормализовавших» вообще всяческое отсутствие защиты [Там же, с. 64]. Юридическая периодика в 1920-е гг. изобиловала дискуссиями о целесообразности сохранения института защиты как таковой. Нужно ли было сохранять такую структуру, «которая за плату занималась бы "обелением" преступников и состояла из лиц "непролетарского происхождения"»? [Батурина, 2018, с. 6]. В 1923 г. порядка 75 % вступивших в коллегии защитников (как теперь было принято именовать их взамен буржуазного «адвокат») обучались юриспруденции в императорских учебных заведениях [Адвокатура в России..., 2010, с. 49]. Вопросы *должного* для советского адвоката поведения на суде также были предметом юридических дискуссий. Некоторые юристы, желая защитить юное советское государство от политических врагов и контрреволюционеров, предлагали следующее: в случае, если адвокат был уверен в виновности подсудимого, «присоединиться к обвинителю в обличении подсудимого» [Huskey, 1986, p. 139]. Отметим здесь, что эта практика сохранится и в годы Великой Отечественной войны: ряд адвокатов или в силу собственной пассивности, или же с целью обезопасить себя от обвинений в *несоветском* поведении легко будут «переходить на сторону» обвинения в процессе.

1930-е гг. стали определяющими в процессе формирования сталинской юстиции в целом. К концу этого десятилетия были выработаны базовые механизмы управления и институциональной

организацией органов управления судом, и следствием. Одной из ключевых составляющих сталинской правовой доктрины была необходимость соблюдения формальной законности. Существенную роль играло и стремление повысить авторитет СССР внутри страны и за рубежом.

Годы Большого террора стали одним из периодов наибольшего падения идей законности, когда адвокатам не осталось даже роли статистов. Но уже после свертывания террора в ноябре 1938 г. вновь обозначилось движение к реконструкции законности, имевшее исключительно прагматические цели. Помимо повышения авторитета государства, тенденция к росту авторитета закона была связана со стремлением повысить профессионально-кадровый уровень работников юстиции и в целом сформировать корпорацию заинтересованных в своей деятельности юристов-профессионалов для формирования централизованной, управляемой и предсказуемой (для диктатора) системы, исключавшей проявления волонтаризма; речь не шла о создании справедливого правосудия, речь шла о создании удобного механизма диктатуры [Соломон, 2008, с. 148–149, 444, 450].

В 1938 г. был принят закон о судостроительстве, который в продолжение ст. 111 Конституции СССР 1936 г. провозгласил право каждого на защиту. В годы войны такое требование – обеспечить каждого подсудимого квалифицированной защитой – сохранится, хотя на практике ситуация будет значительно отличаться. В 1939 году было принято новое положение об адвокатуре: можно согласиться с мнением исследователей, что лишь к этому времени государство смогло выработать окончательную централизованную форму управления и функционирования института судебной защиты [Huskey, 1986, p. 223]. Официально вернулось прежде вычеркнутое революцией понятие «адвокат». Практика была возможна только в рамках коллегий адвокатов, которые создавались в каждом регионе. Система управления коллегиями была централизована, но имела элементы самоуправления: общее собрание каждой коллегии избирало свой президиум, осуществлявший непосредственное руководство, включая наложение дисциплинарных взысканий на провинившихся адвокатов. Общее руководство деятельностью коллегий закреплялось за союзным и республиканскими наркоматами юстиции, где создавались отделы адвокатуры, осуществлявшие контроль за работой защитников (Положение об адвокатуре СССР, 1939). Адвокатура была окончательно встроена в государственную бюрократическую систему. Однако так и не была упразднена система гонораров, которые получали адвокаты от своих клиентов за работу. Сохранение этой ключевой экономической связи между защитником и его подзащитным «усложнило достижение провозглашаемой им [советским государством – А. С.] цели – превратить адвоката из представителя клиента в представителя интересов общества» [Huskey, 1986, p. 226].

В годы войны адвокатура по-прежнему занимала маргинальное положение не только политически, но и экономически: защитники снабжались по нормам служащих. В отчете Молотовской областной коллегии, составленном в марте 1944 г., материальное положение адвокатов было названо «скверным»: адвокаты получали лишь по 400 граммов хлеба, «все остальные продукты ничем не отовариваются, а при заработке в 1800 рублей питаться с рынка невозможно при той дороговизне, которая имеется в городе Молотове» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1030. Л. 70). Даже по официальным данным, в конце 1944 года в сети коммерческой торговли килограмм свинины стоил 500 рублей, а килограмм сливочного масла – 1000, цены на рынках были еще выше [Великая Отечественная война..., 2020, с. 174]. В Бурят-Монгольской АССР адвокаты в 1943 г. и вовсе получали по 200 граммов хлеба в день. Адвокатам приходилось работать в предельно стесненных условиях: как сообщалось, юридическая консультация Московского района Ленинграда «в течение 1942 и 1943 г. не имеет помещения и находится в проходной, неудобной, грязной кухне» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 657. Л. 48 об). В тыловом Молотове в 1943 г. и вовсе «за отсутствием помещения центральная юридическая консультация была ликвидирована, и адвокаты размещались просто по уголкам участковых нар[одных] судов [...]» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1030. Л. 69).

Все это не делало адвокатуру популярным местом для трудоустройства. Часть работников составляли адвокаты дореволюционной выучки; что же касается новых кадров, коллегии во многом становились «своеобразным прибежищем для "провинившихся" юристов из других органов юстиции»: здесь «оседали» бывшие судьи и следователи [Батурина, 2018, с. 131], которые, конечно, желали покинуть ряды адвокатов при первом удобном случае. Показательна биография Мухтара Кафарова, который в 1943 г. состоял в ереванской коллегии адвокатов. В 1928–1930 и 1933–1938 гг. он был членом Верховного суда Армении, но в августе 1938 г. был арестован органами НКВД и исключен из ВКП(б), после чего был вынужден пойти работать в адвокатуру (ГАРФ. Ф. Р-9492).

Оп. 1. Д. 1031. Л. 12–12об.). Наличие среди защитников определенного количества «бывших», а также «проштрафившихся» с запятнанной профессиональной биографией вряд ли делало адвокатуру в полной мере лояльным институтом в глазах советской власти. К тому же попытки «коммунизации» адвокатуры не привели к большим успехам. В годы войны число коммунистов сокращалось, что, очевидно, было связано с вызванным войной дефицитом кадров и отзывом политически грамотных работников на другие должности, в том числе в освобожденные районы. Если на 1 июля 1944 г. в Молотовской областной коллегии члены и кандидаты ВКП(б) вместе с комсомольцами составляли 38,8 %, то к 1 июля 1945 г. число коммунистов уменьшилось до 10,1 %! (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1050. Л. 1об.-2). В масштабе РСФСР на конец 1943 г. по данным 42 коллегий РСФСР (3734 человека) члены и кандидаты ВКП(б) составляли всего 23,5 %, члены ВЛКСМ – 8 %, зато доля беспартийных была 68,5 % (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1028. Л. 26).

О непосредственной роли адвоката в суде ясно высказывался начальник отдела адвокатуры Наркомюста СССР Круглов: «Советская адвокатура призвана своей работой помогать суду правильно применять закон к обвиняемому. [...] помочь суду правильно разобраться в любом сложном деле» (Круглов, 1942, № 2, с. 11–12). При этом отмечалось: «Оказывая помощь суду, адвокат ни в коем случае не должен сходить с принципиальных позиций защиты и подчеркивать свою солидарность с требованиями государственного обвинения» (Там же). Как мы покажем ниже на примерах дисциплинарных производств и конкретных жалоб, адвокат был не столько защитником прав и законных интересов клиента, сколько проводником социалистической законности, содействующим правильному (с точки зрения власти) разрешению дела. Сами защитники в отчетных документах вполне прямо формулировали такое понимание своей роли. В частности, в отчете о работе Ленинградской городской коллегии адвокатов за второе полугодие 1943 года отмечалось: «Защищать на советском суде с позиций и интересов диктатуры рабочего класса – задача весьма тяжелая. Эту задачу адвокаты могут выполнить, только правильно понимая интересы государства, принципиально и политически правильно ставя вопросы, не противопоставляя, а гармонически увязывая интересы государства и личности, вот на какой путь ориентированы адвокаты» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 658. Л. 17). Интересно, что в этой цитате сами же адвокаты говорят о трудности подобной задачи, которая была связана с определенным противоречием: с одной стороны, в своей работе защитникам нужно было исходить из интересов пролетарского государства, с другой стороны – нельзя было оставлять без внимания и интересы подзащитного, деяния которого далеко не всегда соответствовали интересам этого самого государства. Такая идея в своей основе была порочна и вынуждала адвокатов в значительной степени приспособлять свою стратегию на суде и в жалобах к плохо очерченным рамкам политически допустимого, особенно это касалось опасных обвинений в антисоветской агитации (ст. 58.10 УК РСФСР). В том числе поэтому адвокаты часто шли по пути наименьшего сопротивления и выполняли лишь формальную роль в судебном заседании, присоединяясь к мнению обвинения. 9 апреля 1942 г. адвокат по делу Конькова, обвинявшегося по ст. 58.10 ч. 2 УК РСФСР, заявил в прениях: «Я считаю, состав преступления доказан, с мнением прокурора согласен» (ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 7. Д. 95. Л. 46). Бывали случаи, когда адвокаты и вовсе не проявляли никакого интереса к своей работе. На заседании президиума Челябинской областной коллегии в декабре 1943 года было отмечено: «Адвокат Скринниченко недопустимо пассивно вел себя во время судебного процесса, даже читал газету» [Батурина, 2018, с. 143].

Возможности адвоката в советском уголовном процессе периода сталинизма были предельно ограничены и фактически сводились к двум функциям: уже после вынесения обвинительного заключения осуществлять защиту своего клиента в судебном заседании, а также обжаловать приговор и определения вышестоящих судов. Не шло и речи об участии адвоката и защите прав своего клиента во время ведения предварительного расследования. Ясно, что роль защитника была сведена к минимуму, а его влияние на исход процесса было незначительным.

Однако советская власть *не* стремилась превратить защитника в пассивного наблюдателя процесса и исключительно ритуальную фигуру. Ни в одной из официальных инструкций или директив военного времени таких рекомендаций нами обнаружено не было. Наоборот, «лиц, не желающих вступать в коллизию с прокурором, когда этого требуют обстоятельства дела», требовалось отчислять из адвокатуры «как неспособных выполнять обязанности, возложенные на них законом» (Круглов, 1942, № 2, с. 12). Случаи наплевательского отношения к адвокатским задачам становились предметом обсуждений на заседаниях коллегий, а механическое соглашательство с

прокурором вполне ясно характеризовалось как «уродливая защита» (Там же). Инициативность и настойчивость адвоката рассматривались как однозначно положительные профессиональные качества (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 650. Л. 11). Причина плохих защит порой заключалась в самой организации адвокатской работы. В Ярославской коллегии поручения на ведение дел давались «в день их слушания, а иногда за 1 час до слушания дела», что не позволяло защитникам должным образом подготовиться к процессу. Эта практика властью оценивалась как «неправильная, незаконная, извращающая сущность и значение Советской защиты» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 650. Л. 14). Особенно обличалось бездушие (о борьбе с формализмом, «машинизмом» и, как следствие, с бездушием и о концепте счастья в 1930-е см. [Гройс, 2013, с. 88]): в 1943 г. адвокат Курской коллегии Костина за невнимательное отношение к делу была на три месяца отстранена от работы защитником. Костина не обжаловала приговор в отношении осужденной и «не обратила внимание [следствия и суда. – А. С.], что находящаяся под стражей имеет детей и имущество, к охране которых ни следствие, ни суд мер не приняли, о чем Костина до суда и в суде никому не заявила», в результате чего дети «растерялись» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 657. Л. 4). Бездушное отношение осмыслялось в дискурсе войны: особенно подчеркивалось, что осужденная – жена командира РККА.

Анализ отчетных материалов и ревизий адвокатских коллегий, а также дисциплинарных производств в отношении защитников позволяет нам выделить несколько базовых элементов, необходимых с точки зрения советской власти для советского адвоката в годы войны. Именно на эти составляющие личности и деловых качеств адвоката фактически всегда обращали внимание контролирующие инстанции органов советской юстиции. Речь идет о следующих элементах: общекультурная и языковая грамотность, юридическая квалификация, должная политико-идеологическая (в т.ч. моральная) сознательность. Отметим, что три эти аспекта не формулировались эксплицитно, однако именно о них шла речь при анализе работы конкретных защитников. Последовательный анализ этих элементов позволит нам рассмотреть в комплексе не только то, каким советская власть хотела видеть образцового советского адвоката, но и то, с какими проблемами сталкивались коллегии адвокатов в своей кадровой работе и юридической практике в годы войны.

Уровень образования среди защитников в годы войны был невысоким. На 1 января 1944 г. по 43 областям РСФСР из 4604 адвокатов высшее образование было только у 45,9 %, а 13,5 % и вовсе не имели никакого образования (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1об.–2). Война привела к изменению образовательного баланса между центром и периферией: в результате эвакуации значительная доля образованных столичных адвокатов оказалась в тылу. Если на 1 января 1941 г. в Челябинской областной коллегии высшее и неполное высшее образование было лишь у 13 %, то уже на 15 марта 1942 г. эта доля возросла до 37 % (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 650. Л. 2). Можно предположить, что увеличение числа образованных адвокатов, прибывших из центра, косвенно привело в тылу к некоторому улучшению качества защиты: по крайней мере, такие защитники более квалифицированно могли обжаловать приговор в вышестоящие суды. Однако средний уровень грамотности адвокатов все равно оставался далек от высокого.

В методических документах адвокатуры подчеркивалось, что «абсолютная грамматическая и синтаксическая грамотность является элементарным и минимальным условием, предъявляемым к адвокатам» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1029. Л. 26 об.). Но не все защитники могли этим похвастаться. Адвокат ногинской юрконсультации Варганов, как сообщалось: «[...] бумаги составляет безграмотно. Сейчас занимается с педагогом по русскому языку» (Там же. Л. 107–108). Для развития языковых навыков на юридических курсах подготовки адвокатов читались общеобразовательные дисциплины, в том числе «Русский язык и литература» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1028. Л. 78 об.–79), а в ходе проверок ревизоры бдительно следили за тем, работают ли адвокаты над повышением своего культурного уровня: важно было читать не только политическую литературу, но и осваивать художественную (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1050. Л. 5 об.). Грамотная речь адвоката, которую следовало развивать на художественном материале, безусловно, рассматривалась как сильная сторона. Об адвокате Пензенской коллегии Мурыгине в отчете говорилось: «Речь безукоризненно литературна, плавная, логичная»; не в пример Мурыгину, его коллега Рассказов плохо овладел искусством слова: «Выступления не носят стройного литературного изложения» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 656. Л. 47, 48). Об адвокате Пензенской коллегии Алмазове говорилось: «[...] речь его туманна, бестолкова. [...] Наполняет им [голосом. – А. С.] весь кабинет, оглушая буквально и судей, и слушателей. Все эти излишние старания чисто физиологически немедленно отража-

ются у него на голове и лбу, которые сперва покрываются обильной испариной, затем потом, стекающим вниз по лицу» (Там же. Л. 47).

Наркомост предпринимал активные попытки расширения сети юридических школ и проводил наборы на шестимесячные курсы для подготовки адвокатов: в условиях войны, когда за период с 1 июля 1941 г. по 1 января 1943 г. состав адвокатуры сократился на 55,2 % (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1031. Л. 119), краткосрочные курсы были оптимальным методом кадровой мобилизации. Однако на практике будущие защитники не всегда стремились учиться. О нескольких молотовских адвокатах, зачисленных на заочные курсы, сообщалось: «[...] сидят по два года на 1-м курсе и письменных работ по учебному плану не выполняют» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1050. Л. 2 об.). Низкое качество оказываемой юридической помощи в ряде случаев было вызвано нехваткой литературы, вплоть до актуальных изданий нормативно-правовых актов. В Сталинградской областной коллегии в 1944 г. наблюдалось «отсутствие законодательных материалов, юридической, политической и художественной литературы (в отдельных консультациях у одиночек нет даже кодексов)» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1028. Л. 7-8).

Одними из требований были высокая степень вовлеченности в процесс судопроизводства и настойчивость в достижении целей защиты. При этом желание советской власти «заставить» адвоката добиваться своих целей – выиграть дело или обеспечить корректировку приговора – рассматривалось в первую очередь как содействие органам юстиции и борьба за социалистическую законность: «Помощь адвоката суду в отправлении правосудия будет заключаться в обжаловании вплоть до высшей судебной инстанции неправильного приговора, если адвокат последний считает неправильным» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1029. Л. 27). Защита законных интересов подзащитного была лишь «сопутствующим продуктом». Случалось, что недостаточная настойчивость адвоката могла повлечь дисциплинарное разбирательство: на заседании президиума Омской коллегии обсуждалось поведение адвоката Верховановского, «не принявшего мер к доведению дела до конца Черкашиной-Черкасовой и Сухановой, приговоренных к высшей мере наказания». Такая пассивность была расценена как дисциплинарный проступок (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1030. Л. 10 об.).

Конструкция института советской защиты замыкалась на политико-идеологической грамотности, сознательности адвоката: «Только политически грамотный адвокат может правильно построить свои выступления с трибуны Народного суда, может правильно довести до сознания трудящихся законы военного времени [...]» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1029. Л. 2 об.). Однако не существовало прямых инструкций того, *какие* стратегии профессионального поведения адвоката могли считаться политически правильными – корректировка работы адвоката происходила во время заседаний коллегий, где слушались дисциплинарные дела.

Политически недопустимым было в целях защиты критиковать работу суда и следственных органов, что рассматривалось как дискредитация. Защитники прибегали к этой стратегии, пытаясь продемонстрировать в своих выступлениях и жалобах неправосудность тех или иных действий и судебных решений, однако это становилось частым поводом для дисциплинарных разбирательств. «Неуместным выражением» были названы слова из жалобы молотовского адвоката Галкина: «Военный Трибунал Уральского военного округа, подойдя к делу бездушно формально, оставил приговор в силе» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1050. Л. 4 об.). Адвокату казахского Чимкента Шибановой и вовсе был объявлен строгий выговор с предупреждением за то, что она, выступая в суде по делу за антисоветскую агитацию, заявила, что «следствие велось под физическими методами воздействия», поэтому якобы обвиняемый вынужден был признаться в виновности во время следствия» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1031. Л. 34 об.). В итоге Шибанова была отстранена от участия в политических процессах. Как известно, пытки во время следствия являлись *обычной* практикой и фактически были санкционированы верховной властью. В предвоенной шифротелеграмме И. Сталина секретарям обкомов, крайкомов, а также руководству НКВД прямо говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)» (Шифротелеграмма И. В. Сталина, 1939). И хотя в этом документе речь шла об использовании подобных методов «в качестве исключения» и в отношении врагов народа, очевидно, что подобная практика из исключения быстро превратилась в правило (о чем и говорилось в той же шифротелеграмме). Опасным для адвоката также могла быть и попытка оспорить в суде показания свидетелей, заявленных следствием: адвокату Приморской коллегии Белой было сделано замечание за то, что она, «пытаясь опорочить показания свидетелей, без основания к

тому заявила, что они показывают так с целью угодить следственным органам» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 656. Л. 52 об.).

Возможность адвокатов использовать в интересах защиты политический язык советской власти была предельно ограничена. Не допускалось, чтобы адвокат давал оценки социально-политическому облику своего подзащитного. Молотовский адвокат Зубарь, выступая в суде по делу об антисоветской агитации, допустил «неправильное политическое выражение»: «У подсудимого Крумкача не перестало биться сердце *советского* (курсив мой. – А. С.) гражданина». За одну эту фразу защитник был освобожден от работы в суде второй инстанции, где проходили слушания по контрреволюционным обвинениям (ГАПК. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–46). Адвокат не имел права *судить* о «советскости» обвиняемого. Защитнику также не следовало углубляться в психологизм: это могло быть опознано как покушение на политическую функцию суда. «Ошибочной и неудачной мотивировкой» были названы слова из жалобы ленинградского адвоката Тюшевского в защиту двух осужденных за мошенничество женщин: «[...] преступление обеими моими подзащитными совершено не потому, что у них злая воля преобладает над доброй, а потому, что в трудную минуту жизни у них не хватило мужества, которое требует страна от каждого советского гражданина» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 657. Л. 49).

Существенная доля дисциплинарных дел была вызвана проступками, признанными аморальными и порочащими звание советского адвоката. Наиболее распространенными были случаи пьянства: защитник Свердловской областной коллегии Бахматов был привлечен к ответственности, поскольку «в 5-ть часов вечера, т.е. еще в рабочий период времени, пьяным умывался на улице из канавы против детского сада». Президиум постановил исключить адвоката из коллегии «за грубейшее нарушение трудовой дисциплины» (ГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 13. Л. 175). Бывали и вовсе вопиющие случаи: дагестанскому «адвокату Магомедову Насрулле объявлен строгий выговор за неэтичный поступок (драка с нарсудьей) [...]» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1030. Л. 121).

Несомненно, жалобы на адвокатов со стороны судей и прокуроров могли быть одним из важных методов давления на адвокатуру, попыткой лишить адвокатского статуса «неудобных» защитников. Однако механизм дисциплинарного производства включал в себя обязательное обсуждение действий адвоката на президиуме коллегии, что по крайней мере формально не позволяло исключить защитника без участия самой адвокатской корпорации. И были случаи, когда даже возбужденные по инициативе судебно-следственных органов дела завершались «оправданием» адвоката. Дисциплинарное дело против адвоката Смирновой было возбуждено в августе 1941 г. после докладной записки помощника прокурора Кизела Молотовской области: «Адвокат Смирнова в судебных процессах ведет себя вызывающе, дискредитируя этику адвоката, а именно: позволяет делать выпады на свидетелей, вступает с ними в спор, также вступает в пререкание с председательствующим суда. Дискредитирует органы следствия, прокуратуры, суда» (ГАПК. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об.). Дискредитация со стороны Смирновой выразилась в следующих словах: «[...] следственные органы неграмотные и, не разобравшись в деле, привлекают к уголовной ответственности» (ГАПК. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об.). Помощник прокурора охарактеризовал поведение Смирновой как антисоветское. Скорее всего, описанные действия были предвзятой оценкой настойчивой работы защитника, за которую так ратовали органы управления адвокатурой. В конце августа по делу состоялось специальное совещание работников местных органов юстиции с участием представителя горкома ВКП(б), где было отмечено, что «в ряде случаев имеет место нетактичное поведение в суде» как со стороны Смирновой, так и со стороны помощника прокурора. Однако главным итогом заседания была резолюция: «Материал в части антисоветского поведения адвоката Смирновой считать не подтвердившимся» (ГАПК. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 3. Л. 48).

На наиболее зыбкой почве адвокат оказывался, защищая обвиняемого в антисоветских преступлениях. Нередки были случаи, когда сами адвокаты оказывались в результате обвинены в антисоветской деятельности. Челябинский адвокат Фотин в начале 1941 г. был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей за то, что в 1938–1940 гг. при защите обвиняемых в контрреволюционных преступлениях, якобы «используя свое служебное положение, проводил враждебную деятельность путем смазывания отдельных дел по контрреволюционным преступлениям, распространял антисоветские измышления» [Батурина, 2018, с. 99]. У адвокатов было не так много возможностей для маневра: или – самое простое – просить о милосердии, или же пытаться «деполитизировать» деяние обвиняемого: заявить, что слова подсудимого были неверно поняты или же

образуют иной состав преступления (например, не оскорбление власти, а личное оскорбление другого лица).

К защите по спецделам допускались лишь некоторые, наиболее политически грамотные (с точки зрения органов юстиции и НКВД) адвокаты, даже несмотря на то, что все эти процессы были закрытыми. В июле 1944 г. помощник областного прокурора Молотовской области предостерегал местных защитников по поводу спецдел: «Не обладая достаточным политическим развитием, некоторые адвокаты сами допускают в судах антисоветские выступления» (ГАПК. Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 8. Л. 133 об.).

Протоколы судебных заседаний крайне скудно характеризуют работу адвокатов, что во многом связано с низким качеством делопроизводства в годы войны. Однако адвокаты гораздо более охотно излагали свои аргументы в жалобах, надеясь на милость вышестоящих инстанций (республиканских и общесоюзных), поскольку именно высшие судебные органы определяли направления карательной политики и не были включены в местные неформальные сети и, таким образом, могли быть менее предвзяты в рассмотрении дела.

Чем меньше преступление касалось политических аспектов, тем активнее вели себя защитники. Статья 58.14 (контрреволюционный саботаж) давала больше маневра для защиты, в отличие от известной ст. 58.10, поскольку в первой речи шла о конкретном (без)действии обвиняемого, которое можно было гораздо проще вывести из дискурса политического, в отличие от *антисоветских* высказываний. По делу против председателя одного из колхозов Челябинской области, возбужденному в 1942 г., обвинение подчеркивало антигосударственный, контрреволюционный умысел в действиях подсудимого, однако адвокат и на судебном следствии, и в своей жалобе настаивал на том, что председатель колхоза пытался действовать в условиях ограниченных ресурсов военного времени и допустил ошибки по малограмотности и неопытности, к тому же председателем он был назначен уже в самый разгар уборочной кампании (ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 7. Д. 31. Л. 43–46). Активная позиция адвоката привела к тому, что приговор суда за саботаж к 6 годам лишения свободы Верховным судом РСФСР был перекалвалифицирован на неполитическую ст. 109 (злоупотребление властью), а срок наказания был снижен до 1 года исправительно-трудовых работ (Там же. Л. 47–48).

В делах по ст. 58.10 адвокатам приходилось гораздо труднее: пропаганда и агитация советской властью трактовались предельно широко. Наиболее распространенной (и достаточно безопасной для самих адвокатов) тактикой защиты по этим делам была откровенная просьба о снисхождении, а нарратив (формуляр) такой жалобы в целом почти всегда содержал одни и те же элементы: следовало подчеркнуть политическую неосведомленность и малограмотность осужденного, упомянув непреодолимые обстоятельства жестокой судьбы, жертвой которой стал жалобщик. Обращаясь к исследованиям Г. Алексопулос, изучавшей практики коммуникации между советской властью и обществом в 1920–1930-е гг., такой тип обращений обнаруживает родство с жанром *причитания*, «длинного и эмоционального рассказа о жизни, полной невзгод» [Alexopoulos, 1997, p. 119–120]. Используя такую модель, адвокаты фактически не давали юридического анализа дела и стремились воздействовать в первую очередь на адресата эмоционально. В апреле 1942 г. за «клеветнические измышления на советскую прессу, Совинформбюро и положение Красной армии» к 10 годам лишения свободы был приговорен красноармеец Грицков. В своей жалобе адвокат Проскураков даже не пытался оспорить факт контрреволюционной агитации и апеллировал к тому, что слова были сказаны в состоянии алкогольного опьянения, к тому же инвалидом войны: «Грицков [...], высказывая вредные слова, не давал себе отчета в силу опьянения [...]. Осужденный только что вернулся с фронта, раненный, просит Верховный суд об отсрочке исполнения ему приговора и об отправке его в действующую армию» (ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 7. Д. 54. Л. 24). Однако Верховный суд РСФСР приговор оставил в силе (Там же. Л. 26 об.–27).

Гораздо реже адвокаты пытались вывести деяние обвиняемого из политической плоскости, но эти примеры показывают, что работа защитников не ограничивалась исключительно ритуальной функцией. По делу об антисоветской агитации Родионова, осужденного за оскорбление советских вождей, челябинский защитник Бобров в своей жалобе просил перекалвалифицировать деяние подсудимого на обычные хулиганство. Защитник от лица подсудимого настаивал на том, что сказанное не может рассматриваться как политическое преступление: «[...] я будучи сильно пьян позволял выкрики "пью за Сталина", сопровождая это отборной руганью. Это было понятно в превратном смысле». Почти всегда в этом случае формуляр жалобы «требовал» заявить о политической лояль-

ности подсудимого: «[...] будучи рабочим по происхождению и социальному положению [я] не мог осознанно высказывать что-либо контрреволюционное и антисоветское» (ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 13. Д. 148. Л. 64–64 об.). Тем не менее Верховный суд РСФСР не внял доводам защиты, назвав их неосновательными. Приговор – 5 лет лишения свободы – был оставлен в силе (Там же. Л. 69 об.–70).

Источники не позволяют говорить об эффективности работы адвокатов в годы войны, а знакомство с делами *de visu* наталкивает на мысль, что подавляющее большинство жалоб оставались без удовлетворения. Единственный обнаруженный документ, который может помочь ответить на этот вопрос, – доклад о работе коллегии адвокатов Татарской АССР за второе полугодие 1943 г.: из 2507 кассационных жалоб (по которым был известен результат) было оставлено в силе приговоров и решений по 49,7 %; прекращено – 14,6 %, снижена мера наказания – по 21,1 %, направлено на новое рассмотрение – 14,6 %. То есть больше половины жалоб повлекли за собой изменения судебных постановлений. По надзорным жалобам – второму уровню обжалования – статистика была еще более впечатляющей (хотя таких жалоб подавалось гораздо меньше): по 597 жалобам было оставлено без последствий лишь 31,1 %, прекращено – по 33 %, была снижена мера наказания – по 26,2 %, а направлено на новое рассмотрение – по 9,7 % (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1028. Л. 89). Даже с учетом того, что эти цифры включают в себя и гражданские дела, решения по которым гораздо охотнее пересматривались властью, а также и то, что показатели могли быть завышены, эти данные позволяют скорректировать утверждение об исключительно формальной функции советской защиты в период сталинизма.

Адвокаты в своих отчетах в органы управления юстицией подчеркивали свою, как они считали, важную социально-политическую задачу в военное время. Ленинградские защитники осмыслили ее в контексте сохранения человеческих, а точнее трудовых, ресурсов в условиях их дефицита, вызванных войной. В 1943 они сообщали Народному комиссариату юстиции: «[...] благодаря помощи адвокатов возвращаются десятки лиц в трудовую семью предприятий, учреждений. [...] Когда, например, высшая мера угол[овного] наказания расстрел, заменялась по жалобе адвоката исправительно-трудовыми работами [...]» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 658. Л. 15). Члены Свердловской областной коллегии в отчете за 1943–1946 гг. прямо говорили о том, что практика обжалования приговоров «скорректировала» должным образом работу судов: «[...] первое время мнение адвокатов судами игнорировалось, [...] а когда нарсуды обнаружили чувствительные цифры отмены и изменения приговоров – наступил момент перелома. Авторитет адвокатов поднялся. Мнение адвоката стало нужным суду, меньше стало жалоб, меньше – изменения приговоров. Социалистическая законность стала строго соблюдаться» (ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1036. Л. 48). Даже если сделать поправку на то, что члены коллегий стремились показать себя перед советской властью в более выгодном свете и, вероятно, завысить свои результаты. Симптоматично, что в качестве критерия успешной работы адвокаты рассматривали не только свою активную роль в осуществлении судопроизводства, но и возможность как будто *реального* влияния на исход процесса и судьбу приговора. Ясно, что в значительной степени это было лишь конструированием образа реальной защиты и справедливого суда, но нельзя исключать и действительные успехи отдельных защитников в осуществлении помощи своим клиентам. Так или иначе стремление советской власти повысить профессиональный и идейно-политический уровень адвокатской корпорации был обусловлен не гуманизмом, а прагматическими целями – желанием сделать из адвокатуры (наравне с судебносудебными органами) еще один, скорее всего вспомогательный, институт для поддержания социально-политической стабильности в условиях военных потрясений. Об этой роли писали и сами защитники. В отчете Московской городской коллегии адвокатов в августе 1943 г. сообщалось: «Вместе с судебными органами и прокуратурой – адвокатура борется за соблюдение социалистической законности. Борьба за законность – это борьба за укрепление тыла, это прямая помощь фронту, составляющему в нашей стране неразрывное целое с тылом» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 657. Л. 96). В таких условиях от адвоката требовалось умение занять достаточно противоречивую позицию: с одной стороны, в действительности пытаться осуществлять защиту, но не переходить грань политически дозволенного – с другой. По политическим делам эти требования оказывались в наибольшем противоречии.

Таким образом, в военный период происходило становление института советской адвокатуры, наметившееся после Большого террора. Основной задачей адвоката, какой ее видела советская власть, была не столько защита интересов своего клиента, сколько помощь суду в разрешении дела.

Сами судьи в период войны не отличались высоким уровнем юридической грамотности, поэтому, вероятно, адвокаты рассматривались как один из вспомогательных механизмов поддержания и имитации формальной законности, также не последнюю роль играло желание власти придать судопроизводству образ демократичного и справедливого. Все это вполне встраивается в выявленную П. Соломоном общую тенденцию реконструкции «классического» правосудия и отказа от идей правового нигилизма, перехода к формальным требованиям законности, которые обозначились в начале 1930-х гг. Формальная законность имела целью повышение престижа СССР внутри страны и за рубежом [Соломон, 2008, с. 148]. И здесь роль адвоката как раз заключалась в создании определенной иллюзии объективного судебного разбирательства. Но несмотря на то, что роль защитников в советской системе юстиции была сведена до минимума, от него требовалось действительное, а не формальное участие в процессе: пассивная работа и соглашательство с обвинением могли стать поводом для дисциплинарного взыскания. Очевидно, что откровенное бездействие адвоката не могло создать иллюзии реальной защиты, при этом полноценная адвокатская работа и оспаривание обвинения также представляли потенциальную угрозу для власти, поскольку вполне могли поставить под сомнение в целом правильность карательной линии государства. Именно поэтому адвокаты должны были обладать не только общей и юридической, но и политической грамотностью. Последняя фактически оказывалась синонимична понятию лояльности, которая бы не позволила адвокату перейти тонкую и порой предельно проницаемую границу между советским и антисоветским. Таким образом, адвокат оказывался в достаточно сложном и двойственном положении: он должен был, принципиально не сходя с позиций пролетарской власти, осуществлять реальную помощь своему клиенту и фактически оспаривать выдвинутое этой же пролетарской властью обвинение. При этом власть столкнулась со значительными трудностями в условиях кадрового дефицита военных лет: уровень образования среди адвокатов был низок, а число коммунистов среди них было относительно небольшим, к тому же адвокатура оказывалась одним из наименее популярных институтов в системе советской юстиции. Настойчивость в отстаивании своей позиции, которой требовало руководство, на практике часто могла закончиться трагично для адвоката – вплоть до исключения и судебного преследования. Особенно это касалось контрреволюционных дел, где адвокатам, по большому счету, оставалась лишь единственная безопасная тактика защиты – просьбы о милосердии и снисхождении к обвиняемому. При этом источники показывают, что защитники гораздо смелее вели себя на стадии обжалования, нежели во время судебного заседания, что, видимо, было вызвано надеждой на больший профессионализм и беспристрастность вышестоящих судов, к тому же верховные суды республик и Союза фактически находились вне местных неформальных сетей. Несмотря на то, что подавляющее большинство жалоб адвокатов оставалось без удовлетворения, представляется, что для центральной власти адвокаты все же играли роль дополнительного канала коммуникации с населением, что было предельно важно в условиях военного времени и социальной дестабилизации. Адвокатские жалобы вполне можно рассматривать в контексте широко распространенного в советское время феномена «писем во власть». При этом такие жалобы, составленные юридически и политически грамотным адвокатом (каким его хотела видеть советская власть), могли быть более репрезентативными и содержательными, чем если бы они составлялись лично осужденными. Все это заставляет скорректировать точку зрения об исключительно формальной роли советского адвоката в сталинский период.

Примечания

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и в ходе проведения исследования № 21-04-061 «Советская власть и общество: механизмы и практики социально-политической коммуникации в конце 1930-х – 1960-е годы» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)».

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1345. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–46, 47 об.–48; Д. 8. Л. 133 об.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 14. Д. 650. Л. 2, 11, 14; Д. 656. Л. 47, 48, 52 об.; Д. 657. Л. 4, 48 об., 49, 96; Д. 658. Л. 15; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1 об.–2, 7–8, 26, 78 об.–79, 89; Д. 1029. Л. 2 об., 26 об., 27, 107–108; Д. 1030. Л. 10 об., 69, 70, 121, 130; Д. 1031. Л. 12–12 об., 34 об., 119; Д. 1036. Л. 48; Д. 1050. Л. 1 об.–2, 2 об., 4 об., 5 об.

- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 13. Л. 175.
Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-916. Оп. 7. Д. 31. Л. 43–48; Д. 54. Л. 24, 26 об.–27; Д. 95. Л. 46; Оп. 13. Д. 148. Л. 64–64 об., 69 об.–70.
Декрет о суде № 2. 15 февраля 1918 г. [Электронный ресурс] // Декреты Советской власти. М.: Гос. Изд-во полит. лит., 1957. Т. I. С. 471. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude2.htm (дата обращения: 08.06.2021).
Круглов Т. Советская адвокатура в условиях отечественной войны // Социалистическая законность. 1942. № 2. С. 12.
Положение об адвокатуре СССР [Электронный ресурс]: утв. СНК СССР Постановлением № 1219 от 16 августа 1939 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4198.htm (дата обращения: 05.05.2021).
Шифротелеграмма И.В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД–УНКВД о применении мер физического воздействия в отношении «врагов народа». 10.01.1939 [Электронный ресурс] // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2006. 636 с. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58623> (дата обращения: 21.08.2021).

Библиографический список

- Адвокатура в России: учеб. пособие / под ред. Г.Б. Мирзоева, А.А. Власова, Н.Д. Эриашвили. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 367 с.
Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник / Росстат. М., 2020. 299 с.
Батурина И.В. Челябинская областная коллегия адвокатов в 30–50-е гг. XX века: история становления и развития: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2018. 284 с.
Быковская Е.А. Адвокатура Новосибирской области в 1920–1980-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 23 с.
Гаврилов С.О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемер. гос. ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 62–69.
Головин А.Ю., Соломатин Е.Н. Основные тенденции развития отечественной адвокатуры в годы советской власти (1917–1991 гг.) // Изв. Тул. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2011. № 2-2. С. 24–38.
Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 168 с.
Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
Alexopoulos G. The Ritual Lament: A Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s // Russian History. 1997. Vol. 24, no. 1/2. P. 117–129.
Budnitskii O. The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20, no. 3. P. 447–480.
Huskey E. Russian Lawyers and the Soviet State: The Origins and Development of the Soviet Bar, 1917–1939. Princeton, 1986. 262 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.09.2021

THE SOVIET BAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ROLE OF A BARRISTER AND THE LIMITS OF THE POLITICALLY PERMISSIBLE IN CRIMINAL DEFENSE

A. V. Starkov

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, build. 1, 105066, Moscow, Russia
astarkov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-5777-200X
ResearcherID: W-9448-2018

Based on the sources from the federal and regional archives of Russia, particularly on the materials of revisions of local bar associations by Peoples’ Commissariat of Justice, the reports of bar associations and the materials of disciplinary proceedings against guilty defenders, the article is devoted to the practices of the Soviet bar

during the Great Patriotic War. The author analyzes some recordings of criminal trials that show strategies of defense. Considering personnel and organizational aspects of the Soviet bar existence, the author pays attention to the professional and political qualities of Soviet lawyers, as the Soviet government tried to form them during the Great Patriotic war. That period was the beginning of the development of a new system of the Soviet bar, since its new legal and organizational grounds had been established in 1938–1939 after the adoption of the new Stalin's Constitution. Despite the viewpoint of some historians that, under Stalin, the Soviet bar played an exclusively formal role in legal proceedings, the archival sources show that the Soviet authorities did not try to form defenders as passive observers on trial. On the contrary, Peoples' Commissariat of Justice required them to participate in the proceedings actively and stubbornly. From the point of view of the Soviet power, a "prompt" Soviet advocate ought to have general and legal literacy and special moral, political and ideological consciousness into "socialist legality" line. However, in practice, the government faced serious personnel problems: the educational level of lawyers was low and the number of communists among them decreased dramatically because of the war. The active defense of a bar member in court often led to disciplinary proceedings against the advocate, in particular after defending those accused of counter-revolutionary crimes. At these trials, the defenders were faced with the need to challenge accusations of disloyalty to the Soviet government and could themselves be accused of anti-Soviet activities. Most advocates decided to be inactive during political trials (but such passiveness often caused disciplinary penalties toward a bar member). One of the most common defense strategies was to ask for mercy for the accused. Only a few advocates risked challenging the political accusations. The defenders were much more willing to present their arguments in their appeals to the Supreme Courts of the RSFSR and the USSR, which were probably considered by the defenders to be more objective and competent. In conclusion, the author assumes that the role of the Soviet bar in wartime was not exclusively formal, and the authorities sought to make it an additional institution for maintaining "socialist legality" and socio-political status quo during the war. However, the intension did not mean the desire of the Soviet power to make an advocate a real defender of citizens' rights.

Key words: Soviet bar, Great Patriotic war, Soviet justice, counter-revolutionary crimes, Stalinism.

Acknowledgments

¹ The article was prepared within the framework of the Higher School of Economics Basic Research Program and within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 21-04-061 "Soviet Power and Society: Mechanisms and Practice of Socio-Political Communication in the end of 1930s-1960s").

References

- Alexopoulos, G (1997), "The Ritual Lament: A Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s", *Russian History*, Vol. 24, № 1/2, pp. 117–129.
- Baturina, I.V. (2018), *Chelyabinskaya oblastnaya kollegiya advokatov v 30-50-e gg. XX veka: istoriya stanovleniya i razvitiya* [The Chelyabinsk Regional Bar Collegium in the 1930s – 1950s: the history of its formation and development], PhD dissertation, Chelyabinsk, Russia, 284 p.
- Budnitskiy, O. (2019), "The Great Terror of 1941: toward a history of wartime Stalinist criminal justice", *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*, Vol. 20, № 3, pp. 447–480.
- Bykovskaya, E.A. (2003), *Advokatura Novosibirskoy oblasti v 1920-1980-e gody* [Advocacy of Novosibirsk region in the 1920s – 1980s], Extended abstract of PhD dissertation, Barnaul, Russia, 23 p.
- Gavrilov, S.O. (2018), "On the question of the creation of the Soviet advocacy", *Vestnik KemGU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, № 4, pp. 62–69.
- Golovin, A.Yu. & E.N. Solomatin (2011), "The main trends in the development of the domestic advocacy during the years of Soviet power (1917 – 1991)", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, № 2–2, pp. 24–38.
- Groys, B. (2013), *Gesamtkunstwerk Stalin*, ООО «Ad Marginem Press», Moscow, Russia, 168 p.
- Huskey, E. (1986), *Russian Lawyers and the Soviet State: The Origins and Development of the Soviet Bar, 1917–1939*, Princeton University, Princeton, USA, 262 p.
- Mirzoeva, G.B. & Vlasova, A.A. & N.D. Eriashvili (2010), *Advokatura v Rossii: ucheb. posobie* [Advocacy in Russia: study guide], YuNITI-DANA: Zakon i parvo, Moscow, Russia, 367 p.
- Solomon, P. (2008), *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet justice under Stalin], ROSSPEN, Moscow, Russia, 464 p.
- Velikaya Otechestvennaya vojna. Yubileynyy statisticheskiy sbornik* (2020) [The Great Patriotic War. Jubilee statistical Collection], Federal'naya sluzhba gos. statistiki, Moscow, Russia, 299 p.